

левые и им подобные) немецкого рабочего движения, или же замыкается в своем одиночестве. Проклятие одиночества тяготело и над Канэлем. За его гробом шли не массы, а выступали представители десятка мелких организаций, объединяющих небольшие кучки рабочих.

В последнее время имя Канэля не встречалось ни в «Rote Fahne», ни в рабочей прессе. Два года тому назад промелькнуло в маленьком буржуазном театре обозрение Канэля «O, U. S. A.!» — острая сатира на американский и одновременно европейский империализм. Пьеса изображала нужду пролетариата, лямку работы на мостовых города, биржевой ажиотаж, бешеную вакханалию современной буржуазии, но чрезвычайно острая в своей обвинительной части эта пьеса, не указывает выхода. Она полна безнадежности, так как видит лишь отрицательное, не находит положительного пути. Так же безнадежен и путь того слоя интеллигенции, который сознает свою преступность и обреченность капиталистического строя, не обладая мужеством или силой для того, чтобы вступить вместе с массами на путь борьбы.

Смерть Оскара Канэля была внезапной. Он уже давно был болен и подавлен. В конце мая он был найден разбившимся на смерть под окнами своей берлинской квартиры. Выпал ли он в припадке слабости из окна или же добровольно покончил с жизнью? Оскар Канэль, личное творчество которого достигло формального совершенства, не оставил ни школы, ни последователей. Мы знаем других представителей его поколения, как Иоганнеса Бехера, у которого хватило мужества на то, чтобы сделать решительные выводы, и теперь идти рука об руку с революционным пролетариатом.

Берлин

Фрида Рубинер

EMIL GINKEL: «PAUSE AM LUFTHAMMER»

Редко случается нам радоваться появлению новой книги. Но выпуск издательством «Internationaler Arbeiter-

Verlag» сборника стихов Гинкеля сам по себе уже свидетельствует о том, что в поэзии началось некоторое оживление. Было, если выражаться с отечественным пафосом, лихое время: процветала «рабочая поэзия», любовно поддерживаемая и охраняемая буржуазным обществом, воспевавшая в 1914 году отточенные штыки, а в 1928 году отбивавшая такт капиталистической рационализации. Мы, понятно, не собираемся предавать все огулом анафеме. Время от времени появлялись и такие поэты из рабочих, которые воспевали не только смерть на поле брани, хотя бы в их творчестве и не было еще ничего антимилицаристского. В 1918 г. Энгельке и Бартель уже сумели смело возвысить голос; что до Карла Брёгера, на которого социал-демократы возлагали столько надежд, то уже и в то время было очевидно, что он призван воспевать отечественный стяг и социал-фашизм. И о последовавших за тем годам нельзя сказать чего-либо утешительного. Бартель в течение нескольких лет шел революцию и баррикады, но затем перешел к Брёгеру и принялся воспевать машину и объединившуюся, наконец, Германию. Выдвинулись рабочие поэты Гризар и Шенланк. Они принадлежали уже к новому поколению. Больше всего надежд подавал Гризар. Шенланк — тот своими «песнопениями» вскоре снискал себе любовь всех приходских священников. Еще более молодые поэты которых издательство «Arbeiter Jugend» провозгласило рабочими поэтами, были, за редкими исключениями, «певцами бедноты». От рифмоплетствующих школьников их отличали лишь иная среда да иное умонастроение. «Отдых у парового молота» резко отличается от всех этих видов поэзии, а потому его появление мы не можем не приветствовать.

Коснемся сперва личности поэта.

Гинкель сам говорит, что отнюдь не принадлежит к числу тех рифмоплетов, которые подобно сорной траве вырастают теперь из любого общественного

сложения и класса. Гинкель — прежде всего исполненный классового самосознания рабочий, революционер и агитатор.

И только так и следует понимать все его стихи — это агитация и пропаганда.

Жизнь Гинкель прожил такую, какая редко выпадает на долю поэта, даже поэта из рабочих. Кем он только ни был! Учеником у ткача, портовым грузчиком, корзинщиком, зеленщиком, формовщиком, упаковщиком, складским рабочим. Его мобилизуют и отправляют в Берлин, в гвардейскую пехоту. У Бар-

Эмиль Гинкель

ля-на-Сомме его ранят. Он еще не вполне оправился от ран, как его уже снова отправляют в саперную часть. После 9 ноября он возвращается на родину, и снова начинается бродячая жизнь в качестве монтера, полицейского чиновника, мастера на фабрике, поденного рабочего. После долгих месяцев безработицы он, наконец, определяется на ткацкую фабрику. Оттуда его увольняют, и он становится почтовым служащим, затем красильщиком, и с того времени он и по сей день, с известными перерывами, продолжает стоять у огромных красильных машин барменских и крефельдских льноткацких и шелкопрядильных фабрик. Немало шатаний было у него и в области политических

взглядов. Классовое самосознание пробудил в нем лишь вид братских могил в Галиции. Революция застала его без твердо установившихся политических убеждений, и только капповский путч толкнул его в революционные ряды. Там же находится он и поныне: работа на профсоюзном фронте, работа в коммунистической партии, служение делу своего класса — вот чему он себя всецело посвятил.

**

О чем пишет Гинкель?

В отличие от прочих рабочих поэтов — почти обо всем. Его достоинства заключаются не в выборе темы, а в динамике изображения. Столько мужественной силы и заразной бодрости в его «Клепальщике»! В «Железнодорожниках» так явственно слышится равномерный стук заступов, словно сам стоишь на колонне. Но сильнее всего ритм работы отражен в стихотворении «С размаху». Именно здесь заключено все то, что выделяет Гинкеля из общей массы рабочих поэтов: это однообразие ритма разрешается у него

не в слезливом сострадании, не в воплях отчаяния, но в каждом ударе кирки, в каждом такте работающей машины звучат упорство, призывы к бунту, к восстанию.

Проснись, рабочий, день встает,
Страхни с себя хозяйский гнет!
Ты за детей — не зная страха —
Сожми кулак и размахнись
И —

Опусти с размаху!

Но не этим одним исчерпывается его поэтическое дарование. Ему присущи и более мягкие лирические тона, и именно по этим стихотворениям («Рабочая семья», «Кабацкая песня» и др.) особенно видно, что Гинкель головой выше сотни других рабочих поэтов.

Курт Клебер